Хмурын одер

М. Усманов

ТОВАРИЩУ Марушину Николаю Алексеевичу за героический подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 24 марта 1945 года присвоил звание Героя Советского Союза.

Николай Марушин. Наш земляк, уроженец деревни Толмачиха Пильненского района. Тот, кого и до сих пор хорошо помнят односельчане, тот, чьи фотокарточки бережно хранятся в домах его родных и друзей детства.

Встревожащая черная туча войны надвигалась на нашу Родину. В те суровые дни семнадцатилетний Марушин был призван в ряды Советской Армии. Курсы снайперов под городом Владимиром, затем школа младших командиров, два года учебной тревоги, два года ожиданий - вот она, первая встреча с врагом.

Встреча эта и сейчас так хорошо сохранилась в памяти, сохранилась она до самых мельчайших подробностей и деталей.

Это было в мае 1944 года. Тяжелые бои шли тогда в Крыму. Под натиском советских войск враг отходил. Но был он еще силен, цеплялся за каждый клочок земли. Ему

нужно было во что бы то ни стало удержаться, приостановить натиск железных клещей, надвигавшихся на него с моря и с суши.

Битый под Волгоградом, потерявший много техники и живой силы на Курской дуге, отброшенный от Северного Кавказа и Ленинграда, враг напоминал в это время раненого зверя. Ему нужно было время. Время для того, чтобы успеть отправить в тыл свои грузы, раненых, технику.

Нашей пехоте в отдельные дни затишья труднее всего приходилось бороться с вражескими "кукушками", снайперами. Приказ пришел лаконичный и ясный: ликвидировать двух снайперов и подавить пулеметный расчет в доте.

Непривычно лежать вот так и не шелохнуться. А время идет напряженно и медленно. Начинает ломить спину, устают глаза, стучит в висках, мокрая рубашка неприятно прилипает к телу.

Но вот хлопок. Пуля фашистского снайпера чиркнула в двух сантиметрах от виска: тот "охотился". И тотчас раздался второй выстрел. Это выстрелил Марушин. Не знавшие до этого, откуда бьет фашист, наши бойцы увидели из окопов, как тот поднялся из совершенно чистого неподозреваемого места во весь рост, и, схватившись за грудь, медленно стал оседать на землю: наповал.

В тот же день двумя выстрелами, но уже из противотанкового ружья сержант Марушин заставил замолчать вражеский пулемет, бешено строчивший из-под своего железобетонного грибка укрытия. А ровно через двадцать минут после этого рота поднялась на штурм высоты. Первым бежал, увлекая за собой солдат, снайпер Марушин.

Потом он стал считать уничтоженных врагов. Бил

ен их за погибшего год тому назад отца, и за сожженные села, и за слезы матерей, бил за то горе, которое причинили нашим людям фашисты.

...И как только враг захлебнулся в море, как только остатки его войск ушли с Крыма, Марушин в составе оперативной ударной группы войск был переброшен на север.

Здесь все еще прочно стояла и тревожила наше командование Позднеиская группировка фашистской армии. Тут наше командование готовило один из тех ударов, нанесенных врагу в войне, которые сломили могучую военную машину Гитлера.

Но прежде чем начать наступление, Советское командование решило обойти врага с флангов, не дать ему возможности получать подкрепление, затем не дать возможности вовремя отступать.

27 февраля был сделан танковый обход. И Позднеиский "котел" закрылся. Войска Первого Белорусского, Второго Украинского и части Третьего Украинского фронтов начали наступление.

А оперативная группа, в которую входил и взвод Марушина, разгромив один из штабов связи, подошла тем временем к Одеру.

Начиналась ранняя весна. Сырость, холод. Одер широкий, многоводный. Одер. Это та река, на которую такие большие надежды возлагали фашистские стратеги войны. Они были уверены в том, что наступление здесь захлебнется.

Одер и в самом деле представлял собой серьезный естественный барьер. Его не переплыть, на нем быстро не воздвигнуть мосты. А нужен был на том берегу всего небольшой клочок земли. Сперва нужно бы выкопать там

два-три окопа, а потом...Укрепиться, расширить плацдарм, чтобы затем в этот ход, в эту брешь могла хлынуть армия.

Наши союзники и все советские люди внимательно следили за ходом битвы на этом участке. Если южные группы Советской Армии уже выходили из Чехословакии, давно уже шли по Германии, считай, что были под Берлином, Северный фронт /группы фашистской армии "Центр" и "Север"/ все еще держался. Вот почему нужен был этот небольшой клочек земли на противоположном крутом берегу реки.

В ночь на 5 марта нужно было перейти, наконец, Одер. И, конечно же, те, кому первыми суждено было войти в воду, вероятно знали: может быть, не придется вторично переходить реку... Смерть была здесь на каждом шагу. Она смотрела из-за кустов, смотрела из глазниц разрушенных зданий, она притаилась здесь под ногами, была в воде.

Ночь. Темень, Темень такая, какая бывает на чужой враждебной тебе стороне. Ни огонька, ни собачьего лая. Даже привыкшему к опасности разведчику, и тому неловко.

...Почти над самой головой раздался оглушительный треск. Ударил гром, Стремительно изламываясь, чиркнула молния, вмиг обнажила свои ветвистые огненно тугие вены. Хлынул дождь.

Марушин и его семнадцать товарищей по пояс стояли уже в воде, притаились в прибрежных зарослях реки. Приказа итти все еще не было. Холод, казалось, начинал сжимать сердце. Трудно было бороться с этой предательской, подступившей к телу нервной лихорадкой. Мгновения длились.

Каждый знал: должен! До того берега около 100 метров. Сто тяжелых, страшных метров. Сто метров. И каждый из них - жизнь, радость, каждый шаг - еще один миг в победе.

Тихий всплеск воды. Плот тронулся. Серогрязными

хрупкими островками на реке плыл последний лед. Туман. Сколько времени прошло! За горсточкой людей, за их делами в ту темную ночь следили в штабах, ожидали их сигналы в окопах, в блиндажах.

...Две красные ракеты взвились. Шипя, разбрызгивая красный огонь, погасли в тумане. Это значит - река позади, это значит - клочок земли, маленький клочок, который называется большим словом - плацдарм, для наших войск обеспечен. К утру на том берегу оказалась уже следующая группа солдат. Еще несколько часов - и в тине, отфыркиваясь, из реки на берег выходили наши танки "КВ". На западном берегу Одера показался бронированный кулак Советской Армии.

Враг не мог простить этой дерзости. Он знал, что значит отдать плацдарм на западном берегу Одера. Из-под Берлина сюда срочно были переброшены передвижные ударные резервы. Начался бой...

Свинец ударил в тело. Николай Алексеевич рассказывает: ему казалось, что он умирает. Ему не было больно. Какое-то удивительное безразличие охватило его. Земля чуть тронулась и медленно начала уходить куда-то из-под ног. Земля начала опрокидываться вместе с ним. Он уходил, он погружался в какую-то туманную мягкую бездну.

И в миг перед глазами поплыли картины Родины. Тихо струящаяся на ветру листва берез, зелень родного села, школа и река Пьяна, петляющая внизу, вся такая родная в теплой туманной вуали, и дальше - горизонт... Как не хотелось умирать в эти девятнадцать лет.

...Он очнулся на второй день. У кровати стоял и по-отечески улыбался ему генерал Горбачев.

– Вы молодец, сержант! Родина внесет ваше имя в список лучших своих сынов! Ваша группа, сержант, обеспечила успешное форсирование Одера!..

Наш земляк, Герой Советского Союза, теперь он уже старший лейтенант, Николай Алексеевич Марушин живет в Горьком и служит в одной из воинских частей. Недавно я побывал у него в гостях. Живет он хорошо. У него растут двое сыновей – Олег и Валерий. Сыновья учатся. Они будут такими же людьми, как их отец, людьми – тружениками, людьми очень нужными своей Родине.